Счастье на снежных крыльях. Крылья для попаданки

Автор:
Ольга Гусейнова

Счастье на снежных крыльях. Крылья для попаданки

Ольга Вадимовна Гусейнова

Звезды романтического фэнтезиСчастье на снежных крыльях #1

Не люби по дружбе! Иначе может так случиться, что в самый важный момент выбор окажется не в твою пользу! И вот ты уже в другом мире, где опасность за каждым камнем, да и ты сама пусть и белая и пушистая, но руками посторонним лучше не трогать! Остается лишь надеяться, что среди белоснежных вершин и холода твое горячее сердце оценит прекрасный принц. Даже если принцев в этом мире не бывает, главное – верить в сказку, а чудеса иногда случаются!

Ольга Гусейнова

Счастье на снежных крыльях

Крылья для попаданки

Просто не знаю, кто я сейчас такая. Нет, я, конечно, примерно знаю, кто такая я была утром, когда встала, но с тех пор я все время то такая, то сякая – словом, какая-то не такая.

Л. Кэррол. Алиса в Стране чудес

© О. Гусейнова, 2019

© Д. Ржаникова, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Я не могу не выразить признания самой замечательной и преданной помощнице Вере Борисковой. Она делает мои сказки еще лучше.

Я благодарна админам в ВК: Ирине Перхиной, Ирине Стратулат, Оле Сахаровой и Светлане Гарагуле, благодаря которым читатели узнают о моем творчестве и присоединяются ко мне в путешествиях по другим мирам.

Подругам и прекрасным авторам Алене Медведевой и Наталье Косухиной – за поддержку и советы.

Потрясающей художнице Дарье Ржаниковой – за обложку, ведь именно благодаря ей перед моими глазами были прототипы героев.

И просто невообразимо огромную благодарность я испытываю к своим читателям! Спасибо вам, что читаете, покупаете и столько лет поддерживаете мое творчество и меня лично! Вы – мое главное вдохновение!

С уважением и любовью, ваша Гусейнова Ольга

Глава 1

Кольцо-купол-запаска-осмотрелись-уселись

Впереди показалось здание старого аэроклуба, в который несколько лет назад инвесторы вдохнули новую жизнь: отремонтировали, утеплили, перекрыли крышу. Ведь людям хочется летать, и они согласны за это платить. Чуть дальше высятся ангары, за которыми раскинулся аэродром. Помимо планеров, двух тренировочных Ан-2, вылета дожидается чешский «турболет». На сегодня мы забронировали этот борт, а я бессовестно опаздываю.

«Мерседес» плавно замер на парковке, и личный охранник Володя поспешил открыть мне дверь. Забрал у водителя мой рюкзак с вещами, ранец с парашютом и проводил в клуб.

Торопясь в раздевалку, я с улыбкой приветствовала всех знакомых, пока не увидела в небольшом кафе пару. Крепкого молодого брюнета и яркую блондинку, которых знаю слишком хорошо, чтобы не отметить очевидное: они заинтересованно смотрят друг на друга. И интерес этот, как бы мне ни хотелось, не деловой и даже не дружеский. Мужчина с четким благородным профилем еще не заметил меня. Но я и так знакома с каждой черточкой его лица: высокими скулами, глубокими черными глазами, прямым римским носом. Тщательно причесанные, коротко стриженные волосы – работа отличного мастера. Сейчас его вниманием полностью завладела другая, а еще совсем недавно этот брюнет с полночными глазами смотрел на меня с теплой, добродушной улыбкой, освещавшей его мужественное лицо. Обожаемое лицо Игоря Лесина – моего друга юности, сокурсника и единственного мужчины, которого я захотела и пустила в свою душу, сердце и постель. Как оказалось – зря!

Одно дело – чувствовать и догадываться, что наши с Игорем отношения дали трещину, другое – собственными глазами видеть, как подруга Маша вешается на него. Мой мужчина, оказывается, теперь ей дарит ласковые улыбки, держа ее руки в своих ладонях. Больно, грустно и как-то пусто стало на душе от осознания предательства двух близких друзей. А ведь я не дура и могла бы их понять, если бы мне просто сказали, признались. Простила бы со временем, может быть.

Игорь почувствовал взгляд и обернулся. Я растянула губы в улыбке, приветственно махнув ему рукой. Вываливать свои чувства на публике не привыкла, поэтому легкой походкой пошла дальше, в раздевалку. Володю – охранника, несущего мой ранец с парашютом, – попросила уточнить у Игоря и Маши, готовы ли их ранцы. А сама раздумывала: может, дать им шанс самим рассказать о романе за моей спиной? Поступить порядочно. И в то же время опасалась, что Игорь не решится поставить сейчас финальную точку в наших отношениях – его карьера стремительно идет в гору благодаря моему отцу.

В раздевалке не оказалось никого из парашютистов и инструкторов. Все, наверное, уже были готовы, осталась только я, опоздавшая. Впрочем, сегодня мы втроем летим – хорошо иметь приличный счет в банке и ни в чем себе не

отказывать. Я вытащила костюм любимого ярко-оранжевого цвета с белыми вставками, очки в тон и мягкий текстильный шлем, затем надела удобные оранжевые кроссовки. Вместо того чтобы, как обычно, взять берцы, утром словно черт дернул «прифасониться», как бабушка шутила. Ранец с парашютом, который я оставила у Володи, тоже апельсинового цвета. В общем, я сегодня очень яркая и заметная.

Именно из-за Игоря – экстремала, любителя пощекотать себе нервы – к двадцати пяти годам я попробовала многое: ездила верхом, ходила в горы, прыгала с тарзанки, носилась на байке, а последнюю пару лет «увлекалась» парашютным спортом. Хотя тайно ненавижу летать, мотоциклы, от тарзанки меня вообще тошнит, лошади порой пугают до икоты, но любовь зла, заставит обрести крылья, даже если не хочешь. И вот теперь мы с Лесиным активно занимаемся групповой акробатикой или фристайлом.

О том, что Игорь заинтересовался белокурой «принцессой» Марией, я поняла, когда он пригласил ее на гонки на байках. А потом и к другим нашим совместным развлечениям начал приобщать. Сегодня Игорь решил, что Маша перейдет на новую ступень: мы будем пробовать составить в небе фигуру и удерживать ее как можно дольше. Проще говоря, на первый раз схватимся руками и продержимся хотя бы несколько секунд. Сам Игорь прыгнет в качестве оператора.

Рассеянно глядя на опустевшую сумку, я неожиданно решила: сегодня прыгну послед… крайний раз. Попрощаюсь с небом и чужими увлечениями. Пора искать свои, по душе и нервам! Потом замерла у зеркала, придирчиво разглядывая себя – высокую, стройную девушку с округлыми бедрами, длинными ногами и полной грудью, в ярком облегающем костюме для парашютной акробатики. Узкое пыльное зеркало отразило мои редкого, фиалкового цвета глаза, чистую золотистую кожу, от природы пухлые чувственные губы. Небольшой подбородок выдает мягкий характер. Шлем скрыл высокий лоб и тщательно зачесанные в низкий хвост натурального платинового цвета волосы. У меня шикарная внешность, но при этом ни тени эмоций на лице, будто из мрамора вырезанном, – холодная северная красота уроженок норвежских фьордов, откуда моя мать родом.

Сколько помню, отец любит окружать себя красивыми вещами, жаль, что и к женщинам он относится как к вещам и, по-моему, плохо разбирается в них. Мою маму – неотразимую Солвейг Хелле – отец встретил на одной из международных

выставок, работала она там промомоделью. Солли, как он, в зависимости от обстоятельств, называет ее либо с презрительной насмешкой, либо с грустной улыбкой, поразила его с первого взгляда именно своей ледяной красотой. А еще, видимо, европейским гражданством прельстила и фамилией, поскольку первым делом свою родовую мой будущий папа, Михаил Шмырь, заменил на показавшуюся ему более благозвучной и подходящей – Хелле.

Тем не менее спустя пару лет бывший Шмырь понял, что модель мирового уровня не согласится бросить карьеру ради русского бизнесмена, на тот момент не слишком богатого и малоизвестного, чем ранее хвалился. После моего рождения Солли продержалась в роли домохозяйки и мамочки почти год, который ей потребовался для возвращения прежней формы. С тех пор я видела маму вживую от случая к случаю. За короткие визиты та успевала приобщить меня лишь к трендам нового модного сезона, в чем разбиралась гораздо лучше, чем в родительских обязанностях. На материнскую любовь и ласку времени уже не оставалось.

А отец создавал свою строительную империю. Красивая фамилия Хелле значилась на многомиллионных контрактах, упоминалась в СМИ, мелькала на рекламных баннерах. Папу я видела по выходным. Это, конечно, случалось гораздо чаще, чем встречи с блистательной мамой, но тоже маловато, чтобы прочувствовать родительское тепло и любовь в полной мере. Самой близкой и родной для меня стала бабушка Лена, папина мама, вот она-то за всю семью одарила меня заботой, лаской и любовью, поделилась мудростью прожитых лет. Потомок русской интеллигенции в энном колене, Елена Петровна, в отличие от сына, гордилась фамилией Шмырь, которую получила от мужа – хорошего, сильного, благородного офицера, к прискорбию, давно погибшего.

Со временем у нас в доме появилась прислуга, охрана, бывали адвокаты, нотариусы, прочие доверенные лица. Менялись отцовские жены, одна краше другой. Теперь я точно знаю, в какую сумму обходится развод, если брачный контракт составлен криворуким юристом. Моя мама и вторая папина супруга, по словам бабули, чуть не оставили его без штанов. Папа же вынес очередной жизненный урок: известные актрисы и модели – слишком дорогое удовольствие, которое можно себе позволить исключительно при участии хорошего юриста и ловкого адвоката.

Как ни удивительно, папа себе не изменял – с редким постоянством брал в жены симпатичных длинноногих блондинок, весьма и весьма заботившихся о своей

внешности. И поскольку они тщательно берегли фигуру, других наследников корпорации Хелле до сих пор не появилось. Было время, я даже пыталась убедить очередную мачеху, что дети – цветы и гарантия безбедной жизни, а не обуза и угроза красоте. Но, увы, когда «мамочки» доходили до этой мудрости собственным умом, бракоразводный процесс подходил к завершению. И бывшие мачехи, образно выражаясь, оставались на бобах – уходили с тем, с чем приходили к нам в дом.

А я оставалась наедине с навязчивой идеей отца, твердо намеренного сделать из меня преемника. Ну или, на худой конец, вдолбить мне основы бизнеса и финансов, чтобы я нажитое его непосильным трудом не потеряла. А я, как и бабушка, полюбила театр и оперу. Кроме того, три из восьми бывших официальных папиных жен оказались хорошими актрисами и разделяли мою любовь к прекрасному и высокому…

– Привет, снежинка! – Я вздрогнула от неожиданно раздавшегося громкого приветствия.

Обернулась к одному из тренеров клуба, ярко-рыжей и очень доброй Зое, с которой решилась прыгнуть в первый раз, и от души улыбнулась:

– Привет, солнышко! Рада видеть тебя!

– Смотрю, Игорь решил приобщить к спорту нашу Мерилин Монро? – с понимающей грустной улыбкой спросила она, автоматически осматривая мое снаряжение.

– Да, Мария у нас девушка видная, – хихикнула я, оценив юмор.

Хорошенькая подруга действительно похожа на знаменитую актрису и, кто бы сомневался, всячески демонстрирует сходство с гремевшей когда-то мировой суперзвездой. Вместо того чтобы сгонять лишние килограммы, Маша подчеркивает фигуру «песочные часы». Даже не помню, когда видела ее без стрелок на веках и ярко-красной помады, плюс светлые крашеные волосы а-ля секс-символ пятидесятых годов прошлого века, но с поправкой на двухтысячные.

– Если честно, я удивилась, когда Игорь привел ее сюда, – призналась Зоя. – Да еще на акробатику… с такой-то фигурой.

– Машка гибкая, не переживай, справится. Она все схватывает на лету, – не смогла я пропустить шпильку в адрес подруги… бывшей. И настроилась на деловой тон: – Уверена, у нас сегодня все получится.

– Ну смотрите сами, – покачала головой Зоя. – Вылет уже запросили, все готово. Там твоя охрана уже их в кучу собрала, караулит ранцы. Игорь, правда, в туалет отошел…

– Спасибо, – поблагодарила я и поспешила из раздевалки.

Чем раньше прыгнем, тем лучше. А то потом другие группы полетят, придется ловить «окно».

Маша – подруга детства, дочь профессора и юной хорошенькой студентки, ставшей его второй женой. Сначала мы ходили в один частный детский сад, потом в школу, но, когда Машин отец, с которым, к несчастью, случился инсульт, из-за немощности больше не смог работать, мало того, нуждался в дорогостоящем уходе и лечении, ее жизнь круто изменилась. Из маленькой папиной принцессы, которой много дозволялось, она превратилась в Золушку. Золушку, абсолютно не готовую чистить чужие камины, а желающую срочно найти принца, чтобы с его помощью решать насущные проблемы. Идея далеко не новая, но хорошо известно, что свободных принцев мало и на всех их не хватает.

Мы долгое время не виделись, но год назад Маша меня сама нашла и началась у нас активная «дружба». Потом она узнала, что мой отец твердо намерен сделать Игоря Лесина, моего жениха и по-настоящему умного и дельного мужчину, своим преемником. Более того, двигает его в совет директоров. Как говорится, если любимая и единственная доченька рогами упирается, избегая подобной участи, значит, нужно запустить план «Б». Ведь Игорь – будущий родственник. Возможно.

Справедливости ради, Машка не подлый человек. Просто она считает: все в жизни происходит, устроено, делается для нее, любимой. Друзья-подруги, подарки и прочие блага обязаны появляться в ее жизни, ведь она этого заслуживает. Я уверена, что она считает Игоря законной добычей, а мои чувства и мысли… Зачем, если у меня и так все есть? А ей нужнее.

Свою группу я обнаружила на улице. Маша сидела на моем ранце, блистая в белоснежном костюме, который отлично смотрелся с ее белыми, скорее всего, безжизненными волосами, и выглядела настоящей принцессой. Глядя на эту эффектную голубоглазую блондинку, я подумала, что мой отец и Игорь похожи как отец и сын. Отличные предприниматели, предпочитающие определенный тип женщин.

Зря Маша считает, что ее семейная жизнь с Игорем будет долгой и обеспеченной. Отец женат в девятый раз и, уверена, не последний… А мой бывший жених умеет учиться на чужих ошибках и имеет отличного адвоката, так что будущая-бывшая жена вряд ли отхватит большие отступные. Но проводить разъяснительную беседу с Машкой не хочу, всепрощением не страдаю. Да и вряд ли она поверит. Скорее, решит, что я посягаю на ее «заслуженное» счастье из ревности и обиды.

– Привет, прости, немного задержалась на работе, – обратилась я с натянутой улыбкой к Маше.

– Ничего страшного, Кайя, мы хорошо посидели с Игорешей, пока ждали тебя, – прощебетала она безмятежно, поерзав на моем рюкзаке, словно ей мешало что-то под наглым толстым задом.

– А где твой ранец? – не смогла я скрыть недовольства посиделками на моем парашюте.

И почему мой охранник выпустил из рук доверенный ему рюкзак? В этот момент подошел Володя и протянул ей ярко-голубой ранец:

– Вот, Мария Павловна, мы заменили на новый. Все в порядке, ребята в клубе проверили.

– Что случилось с прежним? – удивилась я, посмотрев на напряженного охранника.

– Представляешь, там в одном месте крепление лямки отошло. Как это случилось – не могу понять! – развела руками Маша. – Спасибо твоему охраннику: заметил и быстро вопрос решил.

Свой парашют я всегда собирала и проверяла сама. Только сегодня, расстроившись, доверила нести его Володе, а он, бегая с чужим ранцем, оставил сторожить мой Машке. Потом наедине выскажу ему за это, а то руки чесались проверить укладку. Но тут пришел Игорь и сообщил, что борт готов и нам дали добро на взлет. Времени в обрез. Думать и заострять внимание на том, что он первым делом помог надеть ранец Маше, а потом мне, с едва заметной виноватой улыбкой пожав плечами, не стала. Все, переживу и эту потерю. Сколько их было в моей жизни? Привыкла. Затем взлет. Я сидела напротив них и ждала выхода, привычно нервничая. Правда, еще почему-то зудела спина, заставляя ерзать и дергать лопатками. Вот точно, сегодня в последний, ой, крайний раз. Прощаюсь с небом. Небеса – не моя стихия. Я сухопутная крыса!

Поправила шлем, очки, передернула в очередной раз плечами, ощущая тяжесть ранца. Все как всегда – и вот-вот бездна разверзнется под ногами, вызывая ужас и восторг. Игорь проверил крепление камеры – хочет снять наши «пируэты». Подмигнул мне задорно. Я невольно улыбнулась ему, как прежде. Несмотря ни на что, мы по-настоящему дружим слишком давно. Жаль, «баба» влезла между нами. Может быть, нам удастся сохранить дружеские отношения, ведь я хорошо его знаю и отлично понимаю, что отец с Игорем – два сапога пара.

Сигнал готовности сегодня почему-то словно бритвой полоснул по нервам. Потом открылся люк – и мне распахнуло объятия небо. Внизу плыли пушистые белые облака, а ветер встретил бешеной лаской, унося прочь грустные мысли. Эмоции зашкаливали, внутри все привычно сжалось, перед тем как сделать первый шаг. Я, самая легкая, вышла первой, затем – Маша, за ней – Игорь.

Сначала, как и планировали, мы с Машей подлетели друг к другу и, схватившись за руки, запищали от восторга. Нам удалось продержаться несколько секунд, в это время мы столкнулись взглядами. Неожиданно Маша скуксилась, в ее глазах за очками блеснули слезы и вина, а губы шепнули: «Прости!» За что ее простить? За то, что Игоря увела? Нашла время извиняться. А дальше наша фигура распалась и, отлетев на должное расстояние, я дернула кольцо.

Сначала возникло ощущение, что меня за шиворот дернули и замотали. Я нервно считала – парашют должен полностью раскрыться. В первый момент не испугалась, все еще бурлил восторг свободного падения. Но как же так, почему ничего не изменилось? Вдруг упала часть строп, концы болтались, словно их мыши погрызли, или… разъела кислота. Замирая от страха, я задрала голову, а там – ветер словно играл с рваными парусами старой яхты. Трепал ярко-рыжее

полотнище с дырами, которому уже никогда не стать красивым правильным куполом. Сквозь облака, обещавших пуховую мягкость, виднелась земля, недавно восхищавшая множеством квадратов зеленой травы и пашни, нитями речушек, а теперь вызвавшая удушливую панику, приближаясь с каждой секундой. Меня полностью затопил ужас! Судорожно дернула кольцо страховочного парашюта. Но ситуация не изменилась: разбитой гоночной яхтой с обвисшими парусами я стремительно летела на рифы. Точнее, к земле.

Я заорала, разыскивая взглядом Игоря. Он пытался подлететь ко мне. Возможно, нам удастся образовать тандем. Но в этот момент завизжала и Машка – подлая дрянь, которая полила кислотой мой парашют. Вселенная, похоже, очень любит равновесие: новый парашют интриганки оказался бракованным. Она истошно звала Игоря, но сразу двух женщин наш общий герой, увы, спасти не сможет.

Мы вновь обменялись с Игорем взглядами. В его глазах отразились невыразимые боль и вина – а затем он неожиданно рванул к Машке. Я слышала вой ветра, трепавшего над головой рваное полотнище, бесполезное, словно сломанные крылья, и не могла оторвать взгляда от удаляющейся фигуры бывшего друга. Вот они схлестнулись, Машка вцепилась в него, как обезьяна, затем над ними раскрылся яркий, красно-синий купол, унося пару в небеса, прочь от меня.

Время будто бы остановилось, падение замедлилось, я обреченно смотрела на чужой купол. Жестоко. Близкие мне люди сделали свой выбор: кому жить, а кому умереть. Ветер словно по носу щелкнул, я закрутилась, падая все быстрее, и неожиданно увидела под собой радугу! Неужели где-то идет дождь? Странно… Какие глупые мысли приходят в неподходящий момент. Вдруг взявшаяся откуда-то радуга приобрела более четкие очертания и расплылась, разлилась пятном, будто собралась в большую лужу. В следующий момент я ухнула в эту переливающуюся разноцветную «лужу». По телу пробежала дрожь, будто от электрического разряда.

Сначала меня оглушило, а дальше я пыталась понять, на чем же таком я лежу плашмя, не на радуге же, в конце концов. Секундное облегчение, притупившее панику, вновь сменилось страхом. Подо мной оказалось нечто странное, будто разноцветная пленка, откуда-то взявшаяся в небесах. Она дрожала, вибрировала, прогибалась, словно держала меня из последних сил. И я, каким-то седьмым чувством сообразив, что надо избавиться от бесполезного, рваного, но прилично весившего парашюта, извивалась ящерицей. Затем, проводив его падение взглядом, я заметила побежавшую подо мной трещину на радужной

пленке. К моему ужасу, образовавшаяся щель стремительно увеличивалась, грозя отправить меня к земле вслед за оранжевыми клочьями бывшего парашюта.

– Нет-нет-нет, только не это!!! – просила я небеса в отчаянии, судорожно оглядываясь, куда бы передвинуться.

А рвавшаяся, расходившаяся пополам пленка дрожала сильнее, почему-то сияя все ярче. Под ней – лишь облака! Равнодушные, белые, холодные.

– Помогите-е! – истошно заорала я, словно меня кто-то мог услышать.

Скоро я болталась в небе, как над бездонной пропастью, цепляясь руками за разноцветный край. Неужели это происходит со мной?! Разве подобное можно представить? Как можно висеть в небе, держась за бывшую радугу? Бред! Но реальность умеет удивлять. Я то кричала, то молилась, надеясь удержаться. А когда переливающийся сполохами радужный край истончился и наконец растаял под пальцами, в моей голове отчетливо прозвучала мысль: «Почему у меня нет крыльев?! Ведь они мне так нужны сейчас!»

Словно согласившись со мной, ярко вспыхнув, исчезли остатки радужного пятна – и я с криком полетела к земле, растопырив руки, пытаясь замедлить падение. Как учили. Вдруг рядом с моими руками небо с шумом разрезали белоснежные крылья. Откуда они, чьи? Поверить, что крылья мои, хоть и резко замедлилась, я была не способна и планировала инстинктивно, раз мне снова удача оскалилась.

Сюрпризы на сегодня не закончились: подо мной, между облаками, опять появившимися невесть откуда, – я же точно помню, что уже пролетела их, – совершенно неожиданно показались горные вершины, покрытые снегом. Какие, ко всем чертям, горы? Откуда здесь горы и снег? В голове у меня творилось невообразимое: ужас, паника, недоумение, шок… Но надо было отстраниться от всего, мешавшего сосредоточиться, и приземлиться. Не убившись при этом.

Управлять чужими, непонятно откуда взявшимися крыльями, не получалось, но каким-то чудом я спланировала на склон горы. Дальше с визгом скользила вниз по обледеневшему снегу, пока не рухнула с небольшого обрыва в сугроб. Зад, локти, бедра нещадно горели от ожогов – ткань комбинезона не выдержала испытания льдом. Побарахтавшись в снегу, я с трудом выбралась на твердую

поверхность, кое-как скрючилась на корточках, боясь пошевелиться и побеспокоить раны, положила голову на колени и тупо смотрела на раскинувшиеся вокруг меня израненные крылья. Ободранные и окровавленные, жутко выглядевшие на белом-белом снегу. Смотрела сквозь застилающие глаза слезы, боль, страх… пока не потеряла сознание.

Глава 2

Отчего люди не летают, как птицы

Жарко! И мокро! Я попыталась открыть глаза, но веки будто слиплись, как бывает под утро, когда сон не отпускает. Сделав еще одно усилие, коротко моргнула – на ресницах повисли переливающиеся на свету прозрачные капельки. Зажмурилась посильнее и стряхнула их. Побежавшие по скулам влажные дорожки сразу разбудили меня, словно умылась. Я пошевелилась – и тут же зашлась от боли: задрожала, заныла каждая клеточка моего тела. Никогда в жизни не испытывала подобного: холеная, изнеженная авантюристка поневоле. Но главное – я жива!

Опершись на ладони, стиснув зубы, я с величайшим трудом приподнялась. Осмотрелась и замерла в изумлении: каким образом меня занесло в каменную яму, на мокрые грязные камни? Я же точно помню, что рухнула в сугроб и там отключилась… вроде. Яма, метра два глубиной и такой же ширины, очень напоминала колодец, обледеневший и страшный, из которого нужно срочно выбираться. Сразу вспомнила о крыльях, испуганно обернулась и застонала: огромные, белые, они никуда ни делись – росли из моей спины и занимали все пространство в каменной ловушке! Мало того, бедным крыльям, как и мне, досталось, когда я кувыркалась с горы: выглядели они еще более плачевно, чем тогда на снегу, и болели… сильно болели. Как собственные руки и ноги!

Только хотела осмотреть крыло – а оно неожиданно дернулось ко мне, раскрывшись шире. Я испуганно вскрикнула, отшатнулась, потом неуверенно, с опаской, нервно посмеиваясь над своими глюками, протянула к крылу руки. Осторожно сняла рваные перчатки, чтобы ощутить в полной мере, насколько же реальна новая часть моего тела. И наконец коснулась…

Немыслимо! Мягкие, упругие перья плотно прилегали друг к другу, но кое-где перья были вырваны с корнем, проплешины пестрели бурыми пятнами спекшейся крови. Жалко… Я нервно передернула плечами и заодно ощутила, откуда у меня теперь растет лишняя пара конечностей, сразу же давшая о себе знать. Между лопатками! И спину наверняка ломит от несвойственной мне работы – никогда махать крыльями не приходилось.

«Кажется, ты слишком сильно ударилась головой!» – ошеломленно проскрипела я, подсознательно опасаясь верить собственным глазам. Болезненно поморщилась и положила руку на осипшее и саднящее от крика горло. Сколько бы ни пыталась отрицать, крылья – это не глюк, а реальность, суровая и жестокая правда! Я потерла лицо, пытаясь привести мысли в порядок, и зашипела от новой волны боли.

Оказалось, не только мои ладони – сплошной ледяной ожог, лицо местами тоже. Осторожно потрогала кончиками пальцев левую щеку: горит. Посмотреть бы, во что превратилось мое лицо, но в кармане, где лежал надежный мобильник, гуляет ветер. Непроизвольно сглотнула и осторожно вытерла слезы, катившиеся по щекам и щипавшие кожу. Впрочем, спуск с горы отзывался болью во всем теле и особенно в крыльях, еще и костюм порвался в самых «контактных» местах. Задом, локтями и бедрами я отчетливо ощущала сырое колкое дно ямы и свежий ветерок.

Но я жива! Жива!

Постанывая от боли и жалости к себе, я встала. Крылья повисли тяжелым лишним грузом. Как с ними обращаться? Как парашютом управлять? Или все-таки по-птичьи? Еще бы знать, как они это делают. Только подумала, что бы с крыльями придумать, чтобы разгрузить спину, и едва не приложилась лицом о стену. Они с невероятной силой раскрылись в слишком тесном пространстве, а у меня в глазах потемнело от боли. Надо думать, ширина обретенных «конечностей» не два метра, как размер ловушки, а гораздо больше. Это тебе не бабочку в детсаду изображать. Выругавшись сквозь зубы, я отлепилась от стены и обеими руками попыталась сложить непослушные конечности. Получилось не очень. Видимо, сила мысли избирательно действует.

«Как мне дальше жить с вами? – пробормотала я, испугавшись последствий, вновь упираясь руками о стену проклятой ледяной ловушки. – Ведь если меня, такую вот крылатую «птицу» найдут спасатели…»

Лавина образов всевозможных последствий выстудила душу. Еще сильнее напугала тонкая, узорная изморозь, побежавшая от кончиков пальцев под рукава. В первый момент я с изумлением восхищенно смотрела на серебристое кружево, словно из тысяч снежинок сплетенное в единое искрящееся великолепие, покрывшее мои руки. А во второй – запаниковала: оттолкнувшись от стены, попыталась стряхнуть непрошеные «перчатки». Не хватало только руки отморозить. Сунула руки под мышки и, сжавшись, замерла, зажмурилась, обмирая от страха и прислушиваясь к ощущениям на кончиках пальцев.

Переждав пару минут, пока пальцы перестало покалывать, медленно вытащила руки из тепла и с колотящимся сердцем осмотрела. Невероятно! Я чуть не расплакалась от счастья: снежной пленки как не бывало, а руки оказались целыми и… невредимыми! «А где?..» – потрясенно спросила я неизвестно у кого, пытаясь обнаружить следы ожогов и ссадин. Ничего не нашла! Исчезли вместе с таинственной изморозью. Даже с горьким смешком пожалела, что с такой же легкостью горящий зад не «отморозила».

Я подозрительно покосилась на стену, о которую опиралась, когда руки волшебной изморозью покрылись. Может, это природное воздействие? Что-нибудь наподобие полезного Теплого ключа на Алтае, святого источника, Стены Плача. Да мало ли в мире мест силы или целительных источников?! Бабушка, например, регулярно ездила на курорты и по святым местам: то суставы лечила, то нервы после очередной невестки. Поэтому я решила повторно приложиться к стене. Бедром. На штанах зияла заляпанная кровью дыра, а под ней… В общем, на красную ободранную кожу было страшно смотреть. Я осторожно прислонилась раной к ледяной стене, постояла, подождала – но чуда больше не произошло. Увы.

Тяжело вздохнув, я пожалела, что чудес хватило только на крылья и руки, а все, что ниже спины, как обычно, с редким постоянством собирает неприятности. Задрала голову и над ледяным краем ямы увидела лишь часть пологой горной гряды, по которой, собственно, и скатилась сюда. Эта громада скрыла меня от солнца, оставив в тени. Но может, там кто-то есть? Надеюсь, меня уже давно ищут. Мой отчаянный вопль «Помогите!» походил на карканье измученной вороны. Даже вместо эха – пугающая, буквально звенящая тишина.

«Спасение утопающих – дело рук самих утопающих!» – упрямо пробурчала себе под нос. Страшно было до обморока, до головокружения, ведь я никогда в жизни

не оставалась одна. Всегда либо родные, либо няни были рядом, прислуга, потом охрана и Игорь заботились. Сейчас же, разговаривая сама с собой, я разбавляла страшную тишину, давившую на нервы, странно оглушавшую. А вокруг лишь ледяные стены. Лед гладкий, подтаявший, на таком бы на коньках кататься. Скользить будешь, как по маслу… Не о том думаю. Надо выбираться. Во мне метр семьдесят два, и вроде два метра глубины – пустяк. Всего-то подпрыгнуть и подтянуться, но когда за спиной тяжелые сломанные крылья, сама – сплошная рана, а препятствие – скользкие стены, задача усложняется. Пришлось острым камнем долбить ступени, чтобы выбраться наружу. А попутно, окончательно срывая горло, звать на помощь.

Думать, как в разгар лета вместо зеленого Подмосковья я очутилась в заснеженных горах и с крыльями, запрещала себе. Проблемы правильнее решать в порядке очередности, как мне бабуля твердила. Иначе можно утонуть в их пучине. А так, возможно, что-нибудь само по себе рассосется. Немилосердно хотелось пить, есть, спать, но в горах промедление и смирение – смерть. О чем я знаю не понаслышке. Двое друзей Игоря вопреки метеопрогнозу ушли покорять не сложную, но оказавшуюся своенравной вершину. Их останки нашли случайно, спустя несколько лет, когда сошла лавина, открыв небольшую пещеру, где те несчастные пережидали бурю. А вот Лесин тогда с ними не пошел. Хоть и экстремал, но осторожный и дальновидный. Как мой папа.

Мысли о подстерегающих в горах опасностях подстегивали меня быстрее долбить лед. Каждый удар отдавался болью в теле, но я терпела, сжав зубы, и старалась. Сделав несколько ступенек, я полезла наверх. Срывалась пару раз, а когда наконец перевалилась через край и подтянула за собой крылья, с облегчением уткнулась в снег. Несколько минут я лежала, пытаясь отдышаться и привыкнуть к режущему глаза ослепительному свету, а потом с трудом поднялась. Сначала на колени, затем во весь рост.

Передо мной простирались горы – до самого горизонта, на все четыре стороны лишь снежные пики. Я словно видела себя со стороны: одинокая жалкая песчинка среди девственно чистого снежного безмолвия в драном рыжем костюме, стильных кроссовках последней коллекции, шлеме… и с истрепанными крыльями за спиной. Словно сделала селфи и удивленно разглядывала собственное на редкость незавидное фото. Жаль, мобильник потерялся…

А вокруг… не Россия!

Я отчаянно заорала, вернее, захрипела, сжимая кулаки и задрав лицо к небу, и захлебнулась: куда меня занесло! На необыкновенно чистом светло-сиреневом небе целый парад планет выстроился. Большой полудиск с сиреневым оттенком висел настолько близко, что темные жерла кратеров просматривались еще лучше, чем лунные. Дальше расположился полудиск поменьше и побледнее, но «украшенный» кольцами. За ним третий, крохотный, словно дитя выглядывало из-за пышной материнской юбки. А напротив них, с другой точки небосклона, весь этот невероятный и неожиданный пейзаж освещало… Солнце, наверное. Хотя уже очевидно другая, неведомая звезда.

Это не Земля!

Чужие небеса настолько потрясли, выбили дух и полоснули по сердцу, что я невольно сжалась в комочек, страдая и жалея себя. И крылья вновь послушались, словно выполнили мой безмолвный приказ: обняли меня, укрыли, спрятали от незнакомого мира и бесконечного отчаяния. Ноги предательски дрожали, нет, каждая клеточка дрожала от страха, одиночества, бессилия и полного отсутствия мыслей, как можно спастись, даже надежды, что кто-то спасет.

Не спасет! Не придет и не заберет! Неужели никогда?!

Я вдруг вспомнила, как сюда попала: упала на странную радугу, а потом вывалилась в образовавшуюся в ней дыру. У меня дыхание перехватило – может, это был тот самый, всем известный портал в другой мир, о котором часто пишут не только в сказках, фэнтези и фантастике!? Ведь вполне возможно, если существует параллельная реальность – а я в нее почти поверила! – то должен быть «тоннель», соединяющий Землю и этот мир. Задрав голову, я до боли в глазах, до ломоты в шее всматривалась в небо, пытаясь отыскать в вышине радужное пятно. А вдруг?! У меня же крылья…

Небо, безмятежное, прекрасное и высокое, было по-прежнему чистым, ни пятнышка, ни облачка, такое прозрачное, лилово-голубое, неземное совершенство. Да-да, радуга тогда исчезла, растаяла под моими руками – схлопнулась, наверное, пропустив меня в другой мир. Но сейчас я в отчаянии пыталась найти хотя бы кончик ниточки от клубка надежды, цепляясь за любую возможность вернуться домой.

А в небе ничего! И я разрыдалась, обиженно причитая, что хочу к папе, в наш уютный, теплый дом, в горячую ванну с ароматной пеной. Хочу, чтобы бабуля накормила меня пышным омлетом, какой умеет готовить только она, и чтобы апельсиновый фреш… Но не будет этого: ворота закрылись, а ждать, когда откроются, и именно здесь, и откроются ли вообще, – не в моем положении. Горькая правда, угнетающая настолько, что больно пошевелиться. Можно упасть прямо сейчас, закрыть глаза и ждать, когда холод и голод возьмут свое. Просто и легко. Слышала, это не больно. Заснешь – и все.

Я выбрала: мучительно и тяжело. Видимо, мироздание рассудило, что мне слишком все легко давалось на родине, и решило взыскать долги разом в иномирье. Припомнились злые, виноватые слезы в Машкиных глазах и ее «прости». Я глухо, истерично рассмеялась: если бы она знала, за что просит прощения. Руки сами потянулись к спине, зудевшей между лопатками. Я нащупала не только плотные основания выросших между лопатками крыльев, прорвавших широкую полосу на костюме, но и множество мелких дыр.

Хлам, в который превратился мой парашют, – действие кислоты, попавшей в подлые руки. Я читала о подобном устранении конкурентов на соревнованиях золотой безбашенной молодежи. Но чтобы мой парашют залили кислотой – такое в страшном сне не приснилось бы! К тому же, если бы не это – я в очередной раз подняла глаза к небесам с тремя спутниками, – мое тело нашли бы в любом случае. Папа перерыл бы полмира. И уничтоженный неординарным способом мой парашют тоже бы отыскали. Сто процентов. Интересно, на что надеялась Машка? Ведь ее вычислят однозначно!

«Дура! Какая же ты дура, Машка!» – зло прошипела я.

Видимо, в отношениях с Игорем не все шло так, как хотелось этой принцессе, если она решилась на подобный шаг. Убийство! А сам Игорь? Вряд ли он в курсе намерений новой подружки: сначала хотел рискнуть ради меня, образовать тандем. Эх, если бы у Машки не случился «бракованный парашют». В момент, когда на раздумья нет времени, выбирать приходится сердцем. Игорь предпочел Машу, а не меня. Ее! Не меня! Больно. Но Бог тебе судья, я же простила. Нельзя обижаться на выбор сердца, ведь оно не думает о выгоде.

Шмыгнув носом, я уверенно двинулась к горизонту: какая, к черту, разница, куда идти. В моем случае, движение – жизнь. Дальше я терзалась тяжелыми раздумьями, с трудом пробираясь по снегу, проваливаясь порой по колено. Что

случилось с Машкиным парашютом? Почему другой не раскрылся? Принес его… Володя, мой охранник и приближенный папочки. Михаил Хелле кровно заинтересован в союзе единственной дочери с Игорем Лесиным. Наверняка следил за нами и занервничал, заметив нешуточный интерес будущего родственника и партнера к моей подруге. Неужели настолько обеспокоился? Неужели по его приказу Машке повредили старый рюкзак и подменили на бракованный новый? С каких это пор мой дорогой папочка превратился в хладнокровного убийцу? Хотя я, в сущности, мало знаю о нем, а строительный бизнес – это не игры. Слышала, что папа прослыл жестким и коварным дельцом, но чтобы настолько… Если бы не «помощь» отца с возвращением блудного жениха Игоря Лесина в лоно семьи, не второй испорченный парашют, я бы осталась жива. Хотел как лучше, а получилось как всегда. Самые близкие люди постарались сжить меня со свету – во истину благими намерениями вымощена дорога в ад. Теперь папа и официальное расследование провести не сможет – вскроется, что именно Володя принес Машке новый ранец.

Голос полностью отказал мне, и, открывая для себя очередные жуткие подробности последних событий, я нервно, как полоумная, хихикала. На Лесине камера была. Если он не забудет уничтожить ее перед приземлением, все увидят, что произошло. Как отказался от меня в пользу Машки. Кто знает, простит ли Михаил Хелле такого партнера, хоть они с Игорем на одной волне? А вот Машку грохнут однозначно, когда (или все-таки если?) увидят на видео состояние моего парашюта. Кому еще выгодно меня извести? В бизнес отца я с бараньей упертостью не влезала. С большинством мачех ладила, с парочкой даже после развода в приятельских отношениях оставалась. А угроз от конкурентов отцу не поступало. В противном случае меня бы на время, как обычно, посадили под домашний арест, и все.

Эх, Машка, Машка…

Если Игорь не догадается про камеру, им обоим конец: без суда и следствия в бетон – и дело с концом. А я тут по милости родных и близких тащу свои крылья черт знает куда, заедая слезы снегом и периодически падая в него на колени.

Усталость, раны, голод и страх путали мысли, забирали остатки сил, замедляли мой и так не быстрый шаг. К вечеру я перевалила один хребет и добралась до второго. Глянув на дорогой, престижный хронометр, вяло удивилась: кажется, время здесь течет по-земному. Только привычная темнота не наступила. Планеты или луны-спутники разбрелись по небосклону, и теперь на первый план

вышла «дама в юбке», бледным, почти лунным светом заливая край белоснежного безмолвия, доводящего до безумия. Третий спутник, мелкий заморыш, совсем побледнел и спрятался за «мамку» окончательно.

Все, рухнув в снег совершенно без сил, я подумала об уюте и защите, как делала уже не раз в течение перехода, – и сразу оказалась в надежном коконе крыльев. Кроме того, меня настойчиво терзал вопрос: как я до сих пор не обледенела на лютом морозе в кроссовках и легком рваном костюмчике? И тем не менее я не мерзла! Наоборот, словно легким океаническим бризом веяло. И не мерзла не потому, что двигалась, – я не ощущала холода вообще. Странно, но мне ли жаловаться?

Еще я озадачилась полным отсутствием местных обитателей. На Земле даже в заснеженных горах не бывает пусто, жизнь всегда найдет себе пропитание или способ существования. Так почему же здесь за целый день я не встретила ни одной живой души, даже птицы не летали. Словно этот мир пустой и я абсолютно одна здесь. Жутко. Раньше лишь мечтала побыть в одиночестве, а сейчас оно страшнее плотоядного хищника гложет изнутри. О такой опасности, как зверье, я не задумывалась – куда хуже просто не сделать следующий шаг и навсегда остаться здесь…

Утро я встретила, свернувшись калачиком на мокрых камнях. За беспробудную восьмичасовую ночь тело затекло настолько, что больно было распрямляться и вставать. Со стоном потянулась, во рту пересохло, пить хотелось неимоверно, есть – еще больше, не то собственный желудок сожрет. Как же мне чудовищно плохо! Первым делом взглянула на небо. Увы, чуда не случилось! Только теперь ярко светился спутник-«сынок», оттеняя бока поблекших «родителей». Такой круглый, маленький, сияющий розовый проказник.

Тяжело вздохнув, я выбралась, на этот раз из небольшой ямы, на искрящийся хрустящий снег и замерла: неужели моего тепла хватило расплавить его за несколько часов? Что происходит? Но времени нет, пищи тоже, зато апатия и безысходность наступали, раскрывали смертельные объятия. Нет, я все еще боролась за свою жизнь и медленно переставляла ноги в направлении следующего перевала. Спустя несколько минут подхватила горсть снега, приложила к лицу и сунула в рот, пытаясь утолить жажду. Бесполезно, конечно, но хоть что-то.

Не предназначенные для горного туризма очки почти не спасали глаза от сияющей снежной белизны, и уже к полудню глаза болели и слезились. Порой я шла зажмурившись, не глядя, просто передвигая ноги. Один раз попала в яму, упала и больно ударилась бедром. Потом корчилась и рыдала, лежа на боку и прижимая ладонь к кровоточащей ране поверх ожогов. И вновь, как вчера, от кончиков пальцев к локтю побежала «снежная» перчатка, покрывая кожу серебристым кружевом. Она немного охладила горячие ладони, а потом я ощутила, что боль стихла.

В этот раз любопытство пересилило: не стала засовывать руки под мышки, а осторожно приподняла ладонь и с облегчением и восторгом увидела под ней чистую, здоровую кожу. «Перчатка» осталась на руке, и я спешно приложила ладонь к щеке, потом успела задницу вылечить, но, как только таинственное кружево исчезло, время чудес тоже завершилось. Зато есть захотелось с такой силой, что вспомнила про птиц, специально клюющих камешки и песок. Я бы, пожалуй, тоже проглотила камни: почти не сомневалась – переварятся.

Благодаря чудесам я невольно подумала о невероятном – существовании какой-то магии. Красивой и полезной. Назовем это явление хотя бы так, пока не разберусь, что со мной творится. А то крылья, теперь вот снежные перчатки – и никого, чтобы объяснить, откуда и зачем.

К концу третьего дня моего похода в неизвестность сил больше не осталось. Упав в снег, я жадно ела его, пока не отключилась. А вот четвертая встреча с «сынком» оказалась поворотной в моей дальнейшей судьбе: наконец-то встретила местных жителей!

Сначала я почувствовала боль в руках и ногах, потом ощутила мерное, ритмичное покачивание. С трудом приоткрыв глаза, к вящему удивлению увидела, что меня, подобно крупной добыче на охоте, привязали к толстому суку и несут. Точнее, везут двое аборигенов, ловко и синхронно скользя по снегу. Сквозь дымку, застилавшую глаза, я разглядела смуглые до черноты, сморщенные лица незнакомцев в меховой одежде, показавшихся мне гуманоидами. С этой мыслью я снова провалилась в темноту.

Глава 3

Плен

Ощутив влажную ткань под щекой, я жадно прижалась к ней губами и попыталась высосать воду. Жажда мучила настолько сильно, что все мысли были только о том, как бы напиться. Увы, удалось лишь смочить губы и опухший язык. Зато я вырвалась из мутного, обморочного забытья и, разлепив глаза, увидела мокрые камни, на которых растянулась, положив голову на руку. Другой рукой пошлепала по маленькой грязной лужице и только потянулась к желанной воде, охнула от боли – в спину больно ткнулось что-то острое. Затем снова и снова, потом досталось заду и ногам. С мучительным стоном я приподнялась и огляделась, обмирая от страха и радости.

Меня поместили в большую квадратную клетку со странными прутьями. Кажется, из костей какого-то гигантского животного, связанных между собой кожаными веревками. Даже страшно представить размер зверюги с такими-то костями. Сразу вспомнились скелеты динозавров из берлинского музея естествознания. Дверь в противоположном углу тоже завязана веревками. Обернулась и увидела рядом неглубокую большую миску с прозрачной водой. Моей радости не было предела, вот только поднять эту тяжелую каменную посудину не смогла. Да плевать на подобные сложности! Склонившись над миской в три погибели, я, как собака, пила воду – чистую, холодную и такую прекрасную!

Вдоволь напившись, я вновь осмотрелась. Другая серая посудина, больше похожая на тарелку, была почти до краев наполнена какой-то бежево-серой массой. Нос сразу уловил запах еды, живот призывно заурчал. Попробовала пальцем – вязкое теплое варево. Понюхала, лизнула. Еда! В следующую секунду я хватала ее руками и быстро отправляла в рот, жадно глотала, не чувствуя вкуса, – лишь бы насытиться! Не до вкусовых ощущений. И только когда начала выскребать остатки варева, поняла, что оно напоминает овсянку. Неплохо и, надеюсь, питательно. Сытно уж точно.

Утолив главные потребности, совершенно не дававшие думать ни о чем другом, я оценила свой вид: мокрая, грязная, волосы спутанной массой свисают вдоль лица, уже не белые, а грязно-серые крылья беспомощно лежат на камнях. Шлем и очки исчезли, как и кроссовки с носками. Часы тоже где-то посеяла. Мои босые ступни в серых разводах подсохшей глины и ярким розовым лаком на ногтях довели до слез: картина полной обездоленности и горести. До чего я

докатилась?!

Крыло обожгло острой болью, я обернулась, смахнула слезы и наконец увидела, куда меня занесло: в настоящую первобытную деревню на небольшом заснеженном плато. Моя костяная клетка, притулившаяся к скале, находится в центре; вокруг высятся белые горные пики. От костров у приземистых юрт, а может, чумов, короче, примитивных жилищ, сделанных из шкур, поднимается дым. На небосклоне бледно-лиловый полумесяц «отца» – значит, сейчас день в разгаре. Сколько же я провалялась в беспамятстве?

Тем не менее поселение-стойбище дикарей, вода и еда, и даже эта костяная клетка-тюрьма, ужаснувшая вначале, принесли непередаваемое облегчение. Я не одна среди безмолвия бесконечных гор, не одна в этом мире – вот главное! С радостно колотящимся сердцем я присмотрелась к детям, собравшимся вокруг клетки и откровенно глазевшим на меня. Одетые в меховые шкуры, маленькие жители снежного мира выглядели весьма примечательно: такие же темные до черноты, сморщенные лица, как и у тех взрослых, что тащили меня сюда связанную, словно дичь, но ниже ростом. И тут в голове взорвалась ужасная мысль: а вдруг они питаются человечиной?

Я вздрогнула, холодная, липкая волна страха прошила меня от макушки до грязных голых пяток. Да еще дети, вооруженные длинными острыми палками, с голодным любопытством смотрели на меня, слабую, беспомощную пленницу. Тут один из них подскочил к клетке ближе и снова ткнул мне в бок палкой, заставив зашипеть от боли и отшатнуться к скале. Следом в меня полетели камни, причем крупные такие булыжники. Я пыталась спрятаться, увернуться, укрываясь крыльями, прятала голову, а маленькие дикари продолжали свое гнусное дело. Это они от нечего делать развлекаются так, причиняя боль живому разумному существу? Зоопарк устроили?! Неожиданно во мне вскипела дикая ярость. За что так со мной? Что я сделала этим мелким злобным паршивцам?

Произошедшее дальше я вспоминала с содроганием. Взмахнула крыльями и, заревев от бешенства, ринулась на прутья, чтобы дотянуться хотя бы до одного поганца и надрать ему уши. Горькое «увы», видимо, в этом суровом, чужом мире будет постоянным разочарованием. Коснувшись костяных прутьев руками и крыльями, я захрипела от невыносимой боли. Отшатнулась, но задела крылом кости с другой стороны. Так бы и металась в клетке, отчаянно воя, рискуя заживо сгореть от опалявшей меня боли, но единственная в тот момент мысль, куда бы спрятать огромные неуклюжие крылья, неожиданно исполнилась.

Несколько дней назад бывшие белоснежными, а теперь сплошь в черных подпалинах и крови, крылья покрылись дымкой, туманом, и – растаяли, словно втянулись в спину. Кажется, я кожей почувствовала это движение.

Опешив, я закрутилась волчком: крылья действительно исчезли, а сама ощутила знакомую легкость движений, когда сзади ничего не тянет, не мешает. Только вот голод начал терзать меня с новой силой. Отступив к скале, я со слезами смотрела на красные обожженные ладони, потом глянула на мелких жестоких гаденышей, с еще большим азартом примеривавшихся ко мне, теперь они обменивались между собой короткими лающими фразами. Задумали новую «шалость»? Еще я увидела кромку-ауру – едва заметное, видимо, появившееся после моего прикосновения сияние вокруг прутьев-костей. Это какая-то энергетическая защита? Или… все-таки магия? А то представить здесь генератор на фоне чумов и костров было просто невозможно. Значит, магия…

В магию верилось больше, хоть и смешно от самой мысли о ней.

Хотелось потереть лицо, чтобы проснуться наконец от этого кошмара. Остановила обгоревшая кожа на ладонях. Так мы и стояли, глядя друг на друга: я – босиком на мокрых камнях, хотя вокруг клетки утрамбованный множеством ног снег, а на свободе – издевавшиеся надо мной дети. Родители – более крупные и высокие аборигены, мелькавшие то тут, то там, в жестокие детские игры не вмешивались. Кто из них женщины, а кто мужчины, я могла предположить лишь по размерам. Объемные меховые одежды скрадывали другие различия.

В этот момент я увидела немного сгорбленного, похоже, от старости, мужчину в красивых белых шкурах. Он не спеша шел к клетке и выделялся из толпы аборигенов одеждой и почтением, что оказывали ему другие. Незнакомец в белой шубе явно непрост и обладает здесь властью. Но не почет и подобострастие остальных дикарей были причиной моего внимания к этой личности. «Личность» гордо ступал по снегу в моих оранжевых «найках», нацепив на голову очки и шлем. Приоделся, мародер проклятый! Даже страх пропал, сменившись презрением.

Наконец престарелый модник остановился у клетки, внимательно рассматривая меня, сцепляясь со мной взглядом. А я отмечала непривычные черты его лица, мелкие, резковатые. За стеклами очков блестели черные узкие глаза, смотревшие на меня с неодобрением и почему-то с опаской. Чего ему меня

опасаться? Темная, словно дубленая, почти черная кожа напоминает шкуру шарпея – все лицо в шелушащихся морщинах-складках. Наверное, это отличительный признак снежных жителей, ведь даже у детей кожа морщинистая. Короткий, слишком приплюснутый нос, узкие губы, но при этом выдающийся, несколько загнутый кверху, словно нос ладьи, подбородок.

В общем, встретила я довольно примечательную расу – чернокожих жителей снежного мира, гуманоидов на нижней ступени цивилизации. Любопытно: они в этом мире одни живут или еще кто-то есть? Сейчас, внимательнее рассмотрев иномирян, я мысленно взмолилась, чтобы это был не мономир. Иначе…

Мое обращение к высшим прекратил Белый Старик, как я мысленно назвала присвоившего мое снаряжение иномирца, – приказал соплеменникам что-то. Скоро прибежал один из подростков, затем двое других таких же юных стражей просунули в клетку длинные копья и угрожающе нацелились в меня. Мое сердце колотилось в горле от страха: убьют!.. Но тут парнишка открыл дверь в клетку, юркнул внутрь и что-то кинул мне на тарелку из-под каши. Кажется, вяленое мясо, причем разного цвета. Еще поставил сосуд с водой, или что там плеснуло в кривобоком «кувшинчике», и кожаное ведро, наверное, для отходов жизнедеятельности. Паренек мгновенно вылетел из клетки, дверь закрыл, завязал веревкой, копья охранники убрали. А у меня вырвался вздох облегчения: не убили! Пронесло!..

Развязать веревки и сбежать – не выход, даже не потому, что у меня горят обожженные руки, еще и потому, что некуда. Не бродить же опять в одиночку по снежной пустыне. А здесь мне вновь дали еды, воды и покинули клетку. Раз кормят, есть надежда, что не съедят. Сразу!

Белый Старик приглашающе указал рукой на подношение и, величаво развернувшись, ушел. Я проследила, как он шел, поскальзываясь на снегу в моих кроссовках, совсем не предназначенных для зимних прогулок. Но это неудобство его не смутило. Другие взрослые «дяди и тети» тоже разошлись, а злобные мелкие мучители остались зорко следить за каждым моим движением.

А, плевать! Я подошла к тарелке и сначала понюхала, а потом осторожно попробовала пищу (когда первый голод утолен, прежняя брезгливость и опасения вернулись). Оказалось, это действительно вяленое и слегка подкопченное мясо. Кого именно – неизвестно и неважно, раз хорошо пахнет и на вкус вполне устраивает. Кусочки другого цвета напоминали сыр сулугуни. Я

быстро съела все, до последней крошки. А проверив кувшинчик и обнаружив там еще и теплое молоко, напилась до отвала. Облокотившись на стену, ощущая набитый до отказа живот, я впервые за последние дни почувствовала себя живой и почти счастливой.

Неожиданно напомнила о себе знакомая морозная пленка, которая лечила мои руки и лицо, – она поползла от рук по всему телу. Ласковая теплая «изморозь» снова согрела и уняла боль, свела ожоги и синяки. Фантастика! Это мое обретенное волшебство в который раз не только приятно поразило, но и немало порадовало: да, значит, на сытый желудок дела идут гораздо лучше – энергия для восстановления появилась.

«Все страньше и страньше! Все чудесатее и чудесатее! Все любопытственнее и любопытственнее! Все страннее и страннее! Все чудесится и чудесится!» – пробормотала я себе под нос знакомую фразочку из любимой бабулиной «Алисы в Стране чудес». Бабушка всегда так ворчала, иронизируя, когда папа представлял нам очередную будущую жену. Сейчас фраза известной попаданки Алисы отлично подошла для описания всего творящегося со мной и вокруг меня.

Боль ушла, холода я совершенно не чувствовала, хоть это и удивительно: сижу полуголая и босая на морозе, на сырых камнях – и ничего, инеем не покрываюсь. Местные, в отличие от меня, в мехах с головы до ног. Радовалась недолго – организм напомнил о других существенных потребностях. Ведерко нет-нет да притягивало взгляд. Но вокруг столько навязчивых зрителей, а на актрису я совсем не тяну. Ладно, подожду, когда им наскучит и они оставят меня в одиночестве.

Но приятная расслабленность и сытость принесли с собой и другие заботы – горькие раздумья о будущем. Выбраться из этого мира и вернуться домой я вряд ли смогу – это уже почти очевидно. Найти место своей «высадки» и «проникновения» сюда невозможно. Если только есть подобные радужные дыры-порталы в другом месте? Сомнительно, что и они ведут именно на Землю…

Нет, надеяться я буду до последнего – папа, мама и финансовый факультет учили реально смотреть на вещи. И быть крайне прагматичной. Так, что мы имеем в активе? Крылья? Сомнительный бонус, пользоваться ими я пока не умею. Надо заняться этим в ближайшее время. Второй бонус – загадочная и красивая снежная магия, к тому же исцеляющая меня? С этим более понятно, но, опять же, пока слишком неоднозначно. Подо мной все время мокро, что может

иметь и неприятные последствия.

И аборигены… с лицами, похожими на чернослив, такие же темные и сморщенные. Если меня примут здесь, то какое будущее возможно среди этих «сухофруктов»? Не представляю. Вечно ходить в мехах, жить в примитивном чуме, без благ цивилизации, без театра и оперы, без всего, даже без апельсинового фреша на завтрак? Без бабушки и папы. Без отца я бы, пожалуй, справилась. Не привыкла к его присутствию за двадцать пять лет. А как без бабушки, моей самой близкой и родной, моей лучшей подруги, наконец? И содрогнулась, неожиданно представив, что с ней будет, когда я не вернусь домой вечером. Вернее, уже не вернулась… Пожилой женщине под восемьдесят пережить такой удар будет практически нереально. Я беззвучно плакала, жалея себя и бабулю.

А в голове засела злая мысль: папочка наверняка заставит как можно скорее очередную жену родить ему нового наследника. Дикое одиночество накрывало с головой: одна в чужом мире среди непонятных, непривычных, примитивных гуманоидов. Они похожи на людей, но такие… чужие, дикие. Между ними и избалованной, изнеженной, практически ничего не умеющей псевдоаристократкой, как дразнила меня бабушка, наблюдая за нашим приобщением к «высшему обществу». К элите! Эх, и чего стоят теперь все мои дипломы, манеры, замашки! Английский, французский…

Подтянула колени к груди, обняла их руками и положила подбородок сверху. Так я просидела долго, тоскливо разглядывая первобытную деревню, затерянную в горах. Аборигенов, которые живут своей жизнью. Детей, неотступно следящих за мной, пока взрослые занимаются делами. Вот пятеро мужчин поволокли здоровенную тушу животного – помесь огромной кошки и быка. Несколько женщин подоили «коз» в загоне на краю деревни и шли обратно с «кувшинами», подобными тому, из которого я пила молоко. Кто-то скоблил шкуры, расстеленные на снегу у чума. Все при деле.

Очередная волна мыслей о будущем захлестнула удушливым липким страхом: неужели в этом мире есть только эта раса, только эта унылая черно-белая деревня? А других, похожих и привычных мне, нет? Неужели проведу свою жизнь в ужасной клетке в качестве забавы? Мишенью для кольев и камней у злобных деточек? Горестно вздохнула и нашла глазами ведро. Первым делом решила разогнать зрителей – с воплями ринулась к ним. Напугала и вдобавок еще и камнями забросала. Площадка вокруг клетки быстро опустела, а я

кинулась к ведру облегчаться.

Пока я приводила себя в порядок, клеветники и жалобщики, видимо, донесли о моей выходке: из большого чума вышел Белый Старик и, довольно оглядев собирающихся около места моего заточения сородичей, направился ко мне. Вновь встал у клетки, возглавив толпу, и, заложив руки за спину и выпятив грудь, высокомерно уставился на меня. Правда, в его черных узких глазах под набрякшими веками сверкнул огонек страха. Чего он все-таки опасается? Неужели меня?

Неожиданно Белый Старик резким, не терпящим возражений тоном обратился ко мне. Даже не сразу поняла, что именно ко мне, – думала, что будут делать глазевшие на меня аборигены. И похоже, их вождь это заметил, бросил несколько коротких фраз, причем, кажется, использовал разные вариации или наречия, даже потряс кулаком. Я выразительно пожала плечами, показывая полное непонимание. Старик замолчал, смерил меня злобным, затем удивленным взглядом, а потом с досадой плюнул себе под ноги. Обратился к толпе, нашел взглядом детвору и, если я не ошиблась, строго запретил меня трогать. Фу-ух, надеюсь, никому не придет в голову ослушаться.

Вскоре я осталась в одиночестве наблюдать за суровой жизнью аборигенов. «Полумесяц-отец» начал светлеть, а юбки «матери» проявлялись все четче и ярче – близился вечер. Неожиданно, к моему полному удивлению, между прутьями-костями в клетку скользнул небольшой зверек, напоминающий хорька. С длинным пушистым тельцем, кошачьим хвостиком, узкой вытянутой мордочкой с носом-пятачком. Видимо, клетка охраняет и действует исключительно на меня, а другие вон и копья суют и между прутьями лазят туда-сюда.

Пушистый зверек выглядел настолько милым и неопасным, ну прямо как домашний котик, что я решила с ним подружиться и протянула руку. И вновь пресловутое «увы», а ведь вроде только-только выдалась передышка, – «снежный котик» оказался злобным. Вместо того чтобы позволить себя погладить или хотя бы просто понюхать мою руку и гордо уйти, подняв хвост, он, яростно зашипев, тяпнул меня за палец. Я вскрикнула, а в следующий момент буквально задохнулась от шока.

Неожиданное нападение спровоцировало реакцию моего тела: сначала вырвались крылья и укутали меня защитным коконом, а прокушенные пальцы

словно кипятком опалило, затем из них вырвалась знакомая лечебная изморозь. Только вот пушистый зверек мигом свалился на бок ледяной фигуркой. В ступоре, в полном недоумении подняла руку, не веря своим глазам: неужели это я только что заморозила, убила живое существо? Да я даже мух дома никогда не трогала, паучка, сплетшего паутинку в моей спальне, оберегала – просила горничную не трогать. А тут…

Мир сморщенных снежных неандертальцев с их кусачими домашними животными напомнил о себе шорохом. Подняв потрясенный взгляд, я заметила Белого Старика. Он сверлил меня внимательными черными глазами, что-то явно выясняя для себя. Скривился в хитрой морщинистой ухмылке – и молча ушел. Неужели это он подстроил? Зачем натравил на меня звереныша? А я? Я умею убивать лишь прикосновением пальцев? Как же жить дальше, если я не смогу ни до кого дотронуться, чтобы не убить?

Трупик я вытолкнула из клетки, а сама до полного воцарения «матери» на небе таращилась в пустоту, пытаясь осмыслить, понять, что произошло и как с этим жить дальше. Снежная магия, оказывается, имеет не только бонусы, но и страшные последствия.

А вот крылья… Пока еще неуклюжие, тяжеленные, словно чемодан без ручки, который нести тяжело, а бросить жалко, вернее, в моем случае, не выйдет. Оказывается, крылья – моя защита. А ведь я совсем недавно, в самолете перед катастрофой, решила для себя, что небо – не для меня. И быть мне сухопутной крысой. Выходит, судьба не согласна с моим решением.

Я закуталась в крылья, снова ставшие белоснежными и здоровыми, неким образом полностью регенерировавшие в моей спине, и почувствовала себя в тепле и безопасности. Словно кто-то родной и близкий обнял меня и будет защищать от невзгод, и поделится ласковым теплом. Привалившись к стене, я наконец провалилась в сон… темный, подсознательно пугающий…

Глава 4

Ритуал

Розовый проказник-«сынок» настойчиво лез в глаза, заставляя проснуться. Широко зевнув, прикрывшись краешком крыла, я с наслаждением потянулась на шкуре. Эту почти деревянную от старости и мороза подстилку мне принесли две недели назад, на второй день моего появления в деревне. Но разве жалкой пленнице дикарей, ничего не знающей о новом мире, роптать на более чем скромное «постельное белье»? Зато теперь подо мной сухо. Камни, мокрые поначалу, давно высохли. Более того, снежный покров постепенно растаял на несколько метров вокруг клетки, образовав темную зону отчуждения.

Толстая шкура спасает от мелких острых камешков, поэтому лежать и сидеть стало вполне терпимо. Холод меня не беспокоит: ледяной ветер по-прежнему ощущается теплым бризом с неповторимыми свежими и радостными оттенками наступающей весны, наполняет силой, но я помню, насколько опасной, смертельно опасной и оттого совершенно мною не используемой. По незнанию применять ее просто невозможно. Нет ни наставника, ни литературы соответствующей.

Протерев глаза, я села, сонно огляделась. Деревня так же неохотно просыпается, в небо устремляется дым из чумов, а тишину гор все чаще нарушают нетерпеливые крики домашних животных, требующих корма и ухода. Собственно, здесь вообще жизнь идет спокойно, размеренно, никто никуда не несется, не торопится.

Спустя дня три после появления здесь мне удалось выгородить в своем скромном жилище закрытый уголок для личных нужд. Повезло: сильным ветром с чума сорвало потрепанную мешковину, которой накрывали тюки с вещами, подвешенными веревками за жерди. Принесло ее на мою клетку, а что с возу упало… Чуть позже мне даже помыться и простирнуть одежду удалось – принесли целое ведро теплой воды, наверное, чтобы в мелкой посуде несколько раз не носить, вызвав тем самым у меня море радости. И видимо, я настолько бурно радовалась, что теперь ведро воды мне носят регулярно, даже гребень простенький дали чесать длинную, густую, платинового цвета гриву. На этом подарки закончились.

После утреннего туалета у меня обязательная тренировка. Йогой я занималась с детства – бабушка увлекла в свое время. К знакомым до автоматизма движениям я добавила силовые упражнения для спины от тренера по фитнесу. И пустое ведро для «душа» для этого очень пригодилось. Я заполняла его камнями и тягала вместо гирь. Махать в «огненной» ловушке крыльями больше не

рисковала, а вот готовить спину к полетам необходимо заранее. Зато после двухнедельных тренировок моя новая пара конечностей не ощущалась пудовым грузом, так и тянущим хозяйку назад.

Ощутив приятную усталость от хорошо проделанной работы, я присела на шкуру в ожидании кормильцев. Еду и воду мне таскала пара подростков. Довольно быстро аборигены поняли, что опасности я для них не представляю, и посылали мальчишек кормить меня. Один на всякий случай угрожал копьем, второй сноровисто заносил пищу, уносил ведро с отходами. Мы даже приноровились не мешать друг другу: завидев стражей, я отступала в свой уголок и садилась на шкуру, чтобы они могли спокойно меня обслуживать.

Вот и сегодня уже совершенно без опаски ребята принесли мне свежей воды, кувшинчик парного молока, миску с кашей и вяленое мясо. Боженька, как же хочется апельсинового фреша. Да я согласна даже на морковку, вялую и старую, ну хоть на кусочек овоща какого-нибудь – привыкла к совершенно другому, почти травоядному рациону, а от однообразной пищи организм протестовал.

Но, как известно, жизнь всему научит. Например, не обращать внимания на свой внешний вид. Чистая и расчесанная – уже хорошо. Подумаешь, ноги грязные, костюмчик оранжевый весь драный. Ну не все же сразу человеку дается, многое приходится зарабатывать трудом, терпением, хитростью. Глядишь, и я прорвусь сквозь тернии к звездам. Когда-нибудь. Или, к примеру, одетые в меховые одежды аборигены имеют весьма специфический, неприятный запах животного жира и дыма; и к нему я тоже привыкла, как и к их сморщенным лицам, словно к стае шарпеев. Присмотревшись, научилась отличать одних от других, подмечать особенности и даже характер наиболее часто мелькавших и важных жителей деревни. Совсем незнакомцами они быть перестали. Еще я успокоилась: человеческими жертвоприношениями и каннибализмом эти дикари, к счастью, не занимались. По крайней мере, пока!

Я неторопливо завтракала, наблюдая за однообразной и трудной, на мой взгляд, жизнью аборигенов. За почти три недели в клетке многое успела заметить. Они поклоняются трем спутникам, олицетворяя их с некими божествами. Утром, когда восходит «сынок», женщины кидают в костер какой-то белый порошок, всего от одной щепотки огонь яростно вспыхивает, словно пробуждается.

Небесному «отцу» подношение делает Белый Старик. Каждый день к полудню он рисует на камне загадочные закорючки и засовывает в самый жар

костровища. Любопытно, что иногда пламя после этого меняет цвет: то голубой, то рыжий, то кроваво-красный. Вчера оно было темно-бордовым, и с того момента Белый Старик не появляется из своего чума, а остальные селяне выглядят подавленными, озабоченными, даже вездесущие дети заметно притихли. Да и сама второй день подряд ощущаю напряжение – в груди будто натянулась, дрожит, вибрирует от напряжения струна.

А вот «матери» подарки делают мужчины. Опять-таки в костер ежедневно, в сумерках, с шипением выливают кружку крови живности, которую приносят с охоты, или используют домашнюю скотину. На мой взгляд, расточительно и жутко.

Скоро я поняла, что Белый Старик – здешний духовный лидер, напоминающий земного шамана. А вот главой поселения является сурового вида высокий и плотный мужик с самым громким голосом, которым отдает короткие, беспрекословно выполняемые команды, за что мысленно называю его то вождем, то старостой. То Червонным Королем, особенно когда он смотрит на меня с затаенной злостью, будто в ожидании крупной подлянки. Словно я у него мешок сухарей в голодный год украла или прокляла всю семью до седьмого колена. В связи с чем радует то обстоятельство, что нахожусь в ведении именно шамана.

Как бы там ни было, надо срочно решать вопрос с побегом. Долго так продолжаться не может: «Тот, кто становится пресмыкающимся червем, может ли затем жаловаться, что его раздавили?»[1 - Иммануил Кант (1724–1804) – немецкий философ.] Не хочу быть червем! Только как мне выйти из магической клетки? Еще нелишне было бы раздобыть обувь. Ноги точно не отморожу, но об острые камни и лед легко пораню и далеко босиком не уйду – по кровавым следам вычислят в два счета. А крылья… крылья – пока уютное одеяло и ласковые «руки» в трудную минуту. Не лишними будут вода и еда с собой, но с ними потом можно разобраться, по ходу дела. А вот с обувью и клеткой…

Мои размышления прервал странный нарастающий гул. Вечно спокойные и неторопливые деревенские забегали, запаниковали. Наверняка им все ясно и понятно, в отличие от меня. Женщины и дети вопили, часть мужчин понеслись к чуму шамана, другие карабкались в гору. Посмотреть, что за ней происходит? Или скрыться от опасности?

Белый Старик резко отодвинул полог своего чума, растолкал соплеменников и ринулся к ближайшему костру. В огонь полетел белый порошок для «сынка», камни с рунами – для «отца» и кровь самого шамана, полоснувшего по ладони ножом, – для «матери». Меня даже передернуло от этого действа.

Тем временем страшный гул нарастал, земля мелко содрогалась, как и я сама, глядя на происходящее с колотящимся сердцем и клацая зубами. Боже, это же землетрясение! От этой догадки стало жутко, ведь в горах это грозное явление природы еще страшнее. А мне даже деваться некуда: из клетки не выпустили. Я бессильно сжимала кулаки, нервно переминаясь с ноги на ногу и отчаянно глядя на жителей в надежде, что, может, хоть кто-то сжалится и выпустит меня из смертельной ловушки. Что же делать?

Неожиданно который день натянутая у меня внутри струна словно лопнула. В груди разлилось тепло. Я замерла, прислушиваясь к себе. Крылья заботливо укрыли меня. А дальше я увидела возвращающихся, нет, несущихся с горы мужчин. Они скользили вниз по склону или катились кубарем, явно пытаясь успеть предупредить об опасности, заполошно орали и махали руками. Паника и хаос вокруг меня усилились. Народ разбегался, некоторые кинулись вниз по тропинке; большинство шаман с вождем гнали под защиту скалы с большим каменным козырьком. И если охваченные страхом мужчины сопротивлялись, метались в раздумьях, то более покладистые женщины с маленькими детьми послушно торопились в укрытие. Их мужья и отцы тащили еще и животных.

До меня наконец дошло, что происходит, когда снежная пыль слишком густо посыпалась с неба. Лавина! Им все равно далеко не убежать. Я за долю секунды успела буквально нырнуть с головой в кошмар, ярко представив, что будет дальше. Тонны снега вот-вот накроют это жалкое плато, а козырек не спасет – только отсрочит мучительную смерть. Мы задохнемся и замерзнем под толщей снега и камней. Я помню, знаю, как это бывало не раз с друзьями Игоря, их лица, знакомые и известные по фото, встали перед глазами словно наяву. Да и альпинисты на базах любят делиться страшилками, а у меня память слишком хорошая и воображение живое. Значит – мы все умрем! Тем более моя клетка стоит прямо под скалой, никакого укрытия, козырька или еще чего-нибудь.

Запрокинув голову, я в полнейшем ступоре смотрела, как с вершины горы на нас несется снежный вал, легко преодолевая более низкий утес, закрывающий от меня общую картину местности. Такое я только в кино видела: огромная клубящаяся масса снега летит с бешеной скоростью и оглушающим ревом.

Человек на ее пути от ужаса даже пошевелиться не в силах.

Краем глаза я заметила суматошную беготню деревенских, тех, кто еще зачем-то пытался спасти свой скарб, или тех, кто натужно тащил домашнюю скотину к скале, пересиливая животный ужас. И жавшихся к камням мужчин и женщин, закрывающих собой детей, готовясь принять первый удар.

Мир сошел с ума, на нас не в кино, а в жестоком реале летел снежный вал – сама смерть. Видимо, мои страхи и желания подтолкнули тело к действию, упреждая разум, а может рефлекторно, – я выставила руки, будто отталкивая, защищаясь. Ужас был настолько силен, что заполонил разум, буквально отключил его, отдав тело инстинктам. В следующий миг, когда хотела уже зажмуриться при столкновении с волной снега, из моих рук наперерез белой смерти прыснула знакомая изморозь.

Удивляться, почему в лицо ударила вода, а не снег, облила от макушки до голых пяток и сбила с ног, времени не было. Клетка тоже не выдержала напора, и прутья понесло к обрыву. Меня тащил поток, прикладывая о камни, трещала и рвалась одежда. Я судорожно цеплялась за любые выступы, не думая о порезах и травмах, главное – удержаться, не сорваться с обрыва со сломанными крыльями. Но, несмотря на ужас и боль, я упрямо, зачарованно таращилась вверх, не в силах поверить в то, что сотворила. Офигеть!.. Вместо снега нас накрыли тонны воды, которые теперь срываются с выступа, не попадая на укрывшихся под скалой аборигенов, перелетают площадку и несутся дальше с горы. Эх, вот только место моего заточения оказалось не под выступом, а прямо по ходу водяного потока.

Заживо мы не полегли, но промокли качественно. Большинству жителей деревни повезло спастись, особенно тем, кто не рванул вниз по тропе, а остался с племенем под горой. Но чу`мы, много скотины и скарба унесло беспощадным потоком. Пока я отфыркивалась и приходила в себя, лечила синяки и ушибы и, главное, крылья, шаман приказал взять меня в кольцо. Чтобы не сбежала в суматохе, надо думать. Гад! Я их спасла, а они в меня копьями тычут. Тьфу!

Остальные, по приказу вождя, кинулись искать и собирать свое добро и выживших. Пока вода и мороз не превратили все в лед, из которого придется выдалбливать имущество и скотину. Хотя… погибших животных вполне можно пустить на мясо. Это я поняла, когда несколько мужчин сноровисто разделывали пару котобыков, которых принесло лавиной. Хозяйственные. Некоторые

собирали валежник на дрова…

Уже к вечеру дружно работавшие аборигены установили чумы заново, сушили на установленных там очагах имущество и обогревали детей и раненых. Сбили загоны для выживших домашних животных и мою клетку тоже – шаман постарался, заодно и восстановил магическую защиту, заботливый ты мой.

А вот мертвых соплеменников уносили куда-то вниз, обрядив в серые холстины. Что с ними потом делали, я не знаю, но и спустя пару дней собирали погибших. Надрывный прощальный вой разносился далеко и долго. Может, скинули с обрыва или где-то закопали?! Меня подобные подробности не волновали – нет, не из черствости и равнодушия, просто сама никак не могла отойти от случившегося. Любой громкий звук – и мне казалось, что на нас снова идет лавина. Так и просидела двое суток, прислушиваясь и приглядываясь, как параноик. Зато под прощальные завывания женщин меня почему-то отпустило, даже сморило.

После похорон и возвращения жизни деревни к обычному распорядку дня и укладу кормить меня стали обильнее. То ли чтобы добро не пропадало, и так потонувшее, то ли оценили мои усилия по спасению. Хотелось бы верить во второе, тем более утром, на следующий день после трагедии и ночевки на мокрых камнях и в сырых лохмотьях, ко мне пришли две селянки и боязливо сунули через прутья серую плотную рубаху и кожаные штаны. Спасибо им: мягкий внутренний ворс приятно прилегает к телу. Вдобавок мне заменили уплывшую старую шкуру новой. Сам шаман принес обувь – меховые мокасины, как я их назвала, покрутив в руках. Ничего особенного: три грубо сшитые между собой меховые полоски, две – с дырочками, в которые продеты кожаные шнурки-завязки, чтобы меховой носок не спадал с ноги.

Кроссовки Белый Старик не вернул, но ощущать себя не жалким босяком, а одетой и обутой – гораздо приятнее. К тому же чувству гордости и собственного достоинства лохмотья и голый зад не способствовали. Я признательно кивнула и широко улыбнулась, приняв благодарность. Шаман тоже ухмыльнулся, только хитрый, странный огонек в его черных прищуренных глазах мне не понравился. Он явно что-то задумал, увидев силу неведомой мне, но наверняка известной ему магии. Ведь не зря подослал ко мне зверька, заставив напасть, не зря найденную чужачку в магическую клетку запер. А что это значит? Значит, о таких, как я, возможно даже с крыльями, слышал, а может, и видел.

Нужно бежать, срочно!

* * *

Детвора, которую еще месяц назад я считала злобными монстриками, с гиканьем и радостным визгом каталась с горы, обледеневшей после катастрофы. Наблюдая за юными аборигенами, мне тоже очень-очень хотелось окунуться в это безмятежное веселье и беззаботность. Взять шкуру, кинуть на лед и с ветерком прокатиться по длинному пологому склону в узкую долину. Деревенские даже во льду ступени прорубили, выложив их камнями для безопасного спуска и подъема.

Но, увы, мне оставалось лишь сидеть по-турецки и изо дня в день покорно наблюдать за чужой жизнью. А попутно усиленно обдумывать план побега. Я уже месяц пленница. На мясе, сыре, молоке и в постоянных тренировках окрепла и даже немного подкачала спину и руки. По крайней мере, выпуская крылья, не заваливаюсь назад – «ношу» их с гордостью и почти с легкостью. Привыкаю! Жаль, полностью расправить нельзя, а то меня все чаще одолевает неведомое ранее томление, желание летать, ощутить силу движения крыльев. Со стороны мое трепыхание, наверное, походит на куриное – смешное и нелепое.

Эх, мне бы только из клетки вырваться, а там можно с обрыва прыгнуть и спланировать подальше. Планировать я умею, с горем пополам, конечно, но пробовала, летала. Мясо и сыр я начала запасать сразу после катастрофы. В кусок ткани от куртки своей заматывала и под камни прятала. Воду растопить, я думаю, теперь смогу при случае. Только вот магическую защиту не преодолеть.

А вокруг пейзаж и настроение народа вновь неуловимо поменялись. Пока дети веселились, взрослые к чему-то готовились. Мне было тревожно, и в этот эмоциональный костер, разгоравшийся в моей душе, постоянно летели толстые сухие «поленья» – всякие легенды и поверья из прошлой, земной жизни. Внутреннему разладу способствовала не только обстановка в деревне – на небе происходило нечто мистическое и потому тревожно-жутковатое.

Семейство спутников немного растянулось вдоль горизонта, и за «сынком» с каждым днем все ярче и ярче проявлялась еще одна троица. Сначала, еще пару дней назад, вспыхнули маленькие звездочки, а сегодня они стали гораздо крупнее. Горят фиолетовым светом и даже пульсируют, заливая сиянием всю

округу. Потрясающе красивое зрелище, но очень необычное, и оттого страшновато мне. К полудню, когда три новые звезды застыли над «отцом», «матерью» и «сынком», образовав над семейством своеобразную корону, я нервничала вовсю. Снежная гладь в горах словно оделась в розово-лилово-фиолетовое искрящееся кружево.

Пока я смотрела в небо и любовалась горами, неторопливо доедая свой обед чемпиона, пропустила момент, когда закончилось всеобщее веселье. На маленькой площади зажгли три костра – каждый состоял из трех жердин, устремленных в небо и выстреливающих яркие искры.

Из чума торжественно явил себя соплеменникам Белый Старик. Сегодня он без моих кроссовок и шлема с очками – исключительно в своих белых мехах, чем напряг еще больше. Ко всему прочему, ступал важно и торжественно. А уж когда неторопливо подошел к клетке, глядя на меня со знакомой торжествующей хитрецой, не в силах спрятать ее под тяжелыми веками и кустистыми седыми бровями, и в то же время вроде бы мягко, дружелюбно улыбаясь, насторожил до чертиков.

Я дочь своего отца, прожженного дельца и интригана, и супермодели. Расточать ничего не значащие улыбки на светских и деловых приемах приучена с детства. В конце концов, единственная наследница, преемница и опора. Ну что мне стоит в ответ нацепить «дружелюбную» улыбку? А сама косила взглядом по сторонам, соображая, куда бежать, если появится возможность. Судя по тому, что шаман и его сопровождение заметно расслабились, я улыбаться умею гораздо лучше и профессиональнее, чем менее продвинутые аборигены.

И вот долгожданная свобода: под прицелом копий вышла из клетки, шаман «собственноручно» повел меня к кострам – шла почти рядом. Если бы не сразу два копья у лопаток, можно помечтать, что на прогулке, – скажем, на встрече с официальными дружественными лицами. Только расправить крылья я не рискнула – вдруг пырнут с перепугу в спину.

Между кострами было жарко, устроили толстый настил из нескольких циновок, застланных шкурами, поставили поднос с кувшином и парой чашек-пиал. Похоже, меня решили либо соблазнить, либо принести в жертву. Ну не чествовать же? Парад планет и звезд и незамысловатый сельский праздник прямо кричат об этом.

Пока я с намертво приклеенной, самой радостной улыбкой усаживалась на шкуры, хотела с криком рвануть прочь отсюда. Но я улыбалась! Отец редко чему-то прикладному учил, но частенько говорил: улыбка – это проявление доброты, вежливости и хорошего нрава, а еще оскал смерти для врага, отражение скрытой силы в предвкушении скорой демонстрации спрятанного от противника козыря. Даже если козыря нет, блефовать с улыбкой легче и надежнее.

Мы сидели напротив друг друга и вглядывались в глаза. Я буквально кожей чувствовала его острый черный взгляд, впившийся в напряженный фиалковый мой. Такого же оттенка, как и чужие небеса над головой. Мне кажется, шаман подумал о том же, бросил короткий задумчивый взгляд на спутники этой планеты, потом на вершины гор и затем опять на меня.

Рядом, но за пределом меховой подстилки, присел на колени вождь. Он негромко уточнил что-то у моего пока торжественно помалкивающего собеседника. Видно, задумчивость шамана отметила не только я, но сомнение в голосе Червонного Короля вызвало у Белого Старика раздражение и гнев. Всего на мгновение шаман вышел из себя, а потом, будто по мановению волшебной палочки, вернул себе благодушный вид духовного отца племени. Сел удобнее, расправив полы белой меховой шубы, подогнул ноги в обуви, похожей на унты, и стянул варежки из «овчины».

Затем шаман разлил по пиалам напиток, белесый, на основе молока, но с запахом алкогольной кислинки. И жестом предложил мне. Сам выпил чашу целиком, позволив предположить, что не отравит, и, вероятно, для подтверждения дружественных намерений. Но я только пригубила, кончиком языка распробовав, что, кажется, в чашке айран. Эх, мне бы фреша сейчас апельсинового, пусть даже разбавленного этим айраном. Всего месяц без любимого напитка – и даже не думала, каково будет без ароматного солнечного сока с тоненькими фруктовыми волокнами. И без родной, обожаемой бабушки.

Собравшаяся вокруг ярко пылающих костров толпа иномирцев с не менее жарким любопытством следит за каждым нашим движением, словно происходит что-то невероятное, из ряда вон. А может, и правда происходит, только я, бывшая сухопутная, а ныне крылатая «крыса», пока не в курсе. Поэтому нервно, непроизвольно поправила свою рубаху и огладила ноги в широких плотных штанах, обтянувших мои бедра. Странно все-таки мы выглядим: окружающие, закутанные в меха, и я – раздетая крылатая девица с пиалой в руке. Сижу,

беседую… почти…

Неожиданно шаман поднял руки и почти коснулся моих волос, заставив испуганно отшатнуться, потерять улыбку и пролить немного напитка. Чем только добавила ему уверенности и апломба, а вождь расслабился и виновато поморщился за свои сомнения. Шаман что-то заворковал, глядя мне в глаза, руками словно перебирая в воздухе невидимые струны. Широко улыбнулся, поднял чашу и настойчиво предложил выпить. Злить хозяина деревни было чревато, я сделала еще глоток. Но, похоже, и этим порадовала «собеседника».

Белый Старик снова медленно поднял руки, говорил и говорил, мягко улыбаясь и поглаживая меня по волосам. Словно восхищался густотой и цветом моей светлой шевелюры. Более того, явно не боялся околеть от моей магии. Сама я, того не заметив, впала в транс: все видела, понимала, но пошевелиться не могла. Передо мной стояли черные, разгорающиеся загадочным светом глаза шамана, в ушах – его напевный голос, скрипучий от старости, глухой и странно притягательный. Кажется, такой родной, уговаривающий верить, чтить, впустить и отдать… что именно – не знаю, но все, что попросит.

Незаметно для себя я потерялась в черном пламени всезнающих, мудрых глаз, а совсем скоро будто грань перешагнула: позади – корыстная, жадная чернота, а впереди – фиолетовая пустыня бескрайнего космоса, в которой сияют три звезды. Только я теперь знаю, не ведаю откуда, но знаю, что зовут их Яз, Аяз и Яза – два брата и сестра, великие когда-то высшие, что давно ушли из этого мира, но раз в сто лет приходят ровно на три дня. Их возвращение влечет большие перемены. Иногда эти перемены очевидны лишь избранным, а иногда потрясают целый мир.

И вновь неведомо как, но я поняла, что шаман по имени Зорь ждал третьего дня, когда звездную «корону» возглавит Яза, старшая сестра, – та, что дарит, забирает и распределяет. В том сонном, заторможенном состоянии, в котором я находилась, было сложно досконально разобраться в хитросплетениях способностей высших «звезд». Перед глазами все ярче разгоралась Яза, фиолетовый свет вокруг становился более насыщенным, темным, пугающим, и в сияющий звезде неожиданно проявились черные глаза шамана. Между нами протянулась незримая темная нить, связала, затем пришли мои воспоминания. Сначала они текли медленно, напомнив о кошмаре месячной давности: о путешествии сквозь белые поля между горными вершинами, о том, как я очнулась в яме, с крыльями и в крови. Как летела по небу, расправив крылья.

Как висела на краю радуги. Даже сейчас, вспомнив тот момент, я не могла поверить, понять, как можно держаться за то, что нельзя осязать? За край радужного энергетического пятна?

Мои воспоминания поглощались нитью, связавшей нас с шаманом, утолщали ее и исчезали из памяти, подгоняя новые и новые. Совсем скоро они непрерывным потоком лились к старику, а я рыдала, вспоминая родных и близких, самое сокровенное и почти тут же забывала о них. До одного момента…

Пять лет назад я заболела – взрослая двадцатилетняя девушка лежала в кровати и надсадно кашляла. Любимая бабушка поила меня малиновым чаем, потом ласково растирала спину медом и тихонечко пела колыбельную, как в детстве. Моя самая лучшая в мире бабуля.

Привыкшая к ее заботе, в другое время я бы и не вспомнила об этом случае, но теперь, когда догадалась, что, возможно, ее уже нет, это воспоминание и бабулин голос так зацепили, вызвали такую сильную боль, что была не в силах отдать эту дорогую сердцу частичку прежней жизни кому-то другому, не позволила лишить себя последнего, что еще осталось от прежней жизни. Полностью погрузить свое сознание и душу в одиночество? Нет!

Крик души стал призывом встряхнуться, очнуться от навязанного гипноза и торопливо и жадно загребать уже не ручеек, а полноводную реку призрачными руками обратно. Отдай! Мое, мои воспоминания, моя любовь к родным, их тепло и ласка, без них меня не было и не будет!

Я так истово забирала самое себя и свою суть обратно, так испугалась остаться ни с чем, что с легкостью перехватила управление в нашем с шаманом гипнотическом тандеме. И совсем скоро, вернув себе все до последней капельки, начала тянуть знания шамана. Зорь, оказывается, знал много. Даже слишком много, нажив огромный опыт аж за сто с лишним лет: несколько языков; примитивную географию этого мира; магию, мне совершенно бесполезную, зато способную вычистить память и личность до чистого листа, чтобы создать послушную марионетку и в нужный момент пользоваться для защиты от непогоды, лавин и других племен, конфликтующих за ресурсы и женщин.

Кайя Хелле – иномирянка с крыльями – не жалкая, ненужная пленница, а оружие, защитница и непременно послушная марионетка. Должна была стать

такой для беспринципного старика, но не зря Язу называют Справедливой. Она не просто распределяет – дарует правым выиграть, а ворам – лишиться всего, проиграв. Хотя порой она слепа. Ее сила связывает судьбы, магию и миры. Легенды гласят: именно сила Язы создает дыры, сквозь которые в этот мир приходят невиданные твари или заносит предметы, которые меняют будущее всех или некоторых. Но шаман надеялся с помощью магии Язы связать воедино свое и мое сознание, благодаря древнему заклинанию забрать у меня память и душу.

Вопреки шамановым ожиданиям, что-то пошло не так – я обездолила его. Правда, когда перед моими глазами начали появляться воспоминания о его юности, о том, как наставник Белого Старика, ныне покойный прежний шаман, показывал ему, ученику, как спасти племя от голода, приманить зверя и прочие премудрости для выживания сородичей, я сдалась. Просто не смогла, по сути, убить старого человека, оставив от него лишь оболочку со способностями к магии. Даже вернула часть воспоминаний – племя не виновато в хитромудрых намерениях шамана, а нового у них пока нет. Старик не хотел терять власть и все никак не брал ученика.

Правда, мои благие намерения выбили из меня всего одним мощным, сокрушительным ударом кулака по лицу. Следом за болью меня укрыла темнота…

Глава 5

Чем торгуют на базаре

Узкая четырехколесная телега длиной метра два, на которую переставили клетку с саней в очередной дружественной деревне, стала моим средством передвижения по долине, где снег почти сошел. От постоянного покачивания на ухабах и выбоинах примитивного транспорта меня частенько мучила морская болезнь. И думается, я не первая пленница, которую перевозят таким вот мерзким образом. Сурово и жестоко обошелся со мной вождь – посадил в «автозак» и куда-то отправил. Не в «сибирскую» ссылку точно, потому что с каждым днем становилось теплее и тревожнее.

Только одно послабление – прутья, к слову, не металлические, а из чрезвычайно прочной древесины, не были защищены магией, поэтому теперь с меня не спускали глаз вооруженные колюще-режущим конвойные небольшого обоза. Кроме того, клетку полотном накрыли – то ли «живой груз» скрыли от чужих глаз, то ли мне много показывать не хотели. Поразмыслив на досуге, решила, что, скорее всего, меня прячут.

Ветер принес запах испражнений шайгала, который спокойно, покорно тащит за собой мою повозку. Этот огромный мохнатый зверь внешне напоминает земного бурого медведя, но здешний «косолапый» исправно служит тягловой силой, вьючной и верховой. По-лошадиному фыркает и объедает любую зеленую поросль вдоль дороги и на полянках во время привала.

Увидев шайгала впервые и услышав его рев, я испугалась до потери пульса. С трудом разлепив глаза после ритуала, закончившегося моим нокаутом, я увидела, что лежу в другой клетке, только уже на санях. Рядом стоял недовольный шайгал – вот так мы с ним и познакомились. Похоже, этих больших ездовых животных племя держало где-то внизу, под горой. Как и собственно свой «автопарк». Эх, многое, оказывается, было скрыто от моих глаз, очень многое.

В момент встречи с новой реальностью, оглашенной рыком шайгала, я привстала, опираясь на ладони в тесной клетке, с гудящей головой и горечью во рту. Вокруг народ возился с тюками и веревками – мужчины собирали обоз в путь. Вскоре ко мне подошел вождь. Видимо, ему сообщили о пробуждении. Неожиданно я вспомнила, что его зовут Даяр, и, когда поймала мертвенный взгляд черных глаз, содрогнулась от страха. Даяр не просто ненавидел меня – таким взглядом расчленять можно.

Я невольно отшатнулась от осатаневшего Червонного Короля. Еще пришибет. Первой мыслью было: «За что? Вроде все нормально было. Почему изменилось?» А потом моя память наконец робко напомнила обо всем, что произошло во время ритуала. Как отбирала у коварного Белого Старика не только собственное «я», приобретенное личным жизненным опытом, но и трофеи в запале захватила – его знания и воспоминания. Едва вспомнила о Зоре, появился он сам, правда, совершенно другой, непохожий на себя. И я догадалась о причине лютой ненависти вождя ко мне.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Иммануил Кант (1724–1804) – немецкий философ.

Купить: https://tellnovel.com/ru/olga-guseynova/schast-e-na-snezhnyh-kryl-yah-kryl-ya-dlya-popadanki

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить